

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И СЛУЖЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг. (по архивным материалам Свердловской области)

Мамяченков Владимир Николаевич

Профессор кафедры государственного и муниципального управления
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург),
доктор исторических наук, доцент, e-mail: mamyachenkov@mail.ru

Статья основана на архивных материалах Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Автор рассматривает внутреннее состояние органов советской милиции в послевоенный период. Подчеркивается, что для большинства граждан СССР служба в милиции не считалась престижным занятием по таким причинам, как невысокая заработная плата, отсутствие серьезных стимулов к работе и наличие больших психологических нагрузок. Перечисляются и комментируются различные нарушения служебной дисциплины личным составом свердловской милиции в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Констатируется, что в исследуемый период руководству областной милиции исправить ситуацию не удалось. Делается вывод, что состояние милиции, так или иначе, соответствовало состоянию всего советского общества.

Ключевые слова: Свердловская область, милиция, моральное состояние, служебная дисциплина

MORALE AND DISCIPLINE OF THE SOVIET POLICE OFFICERS IN THE LATE 1940s – EARLY 1950s (on archival materials of the Sverdlovsk region)

Mamyachenkov Vladimir

Professor, Ural State Economic University (Yekaterinburg), candidate of historical sciences,
e-mail: mamyachenkov@mail.ru

The article is based on unpublished archival materials of the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region. The author examines the internal state of the Soviet police in the post-war period. It is emphasized that most of the citizens of the USSR didn't consider the police service as a prestigious occupation because of low wages, lack of serious incentives to work, and great psychological stresses. Various violations of service discipline by the personnel of the Sverdlovsk police in the late 1940s and early 1950s are listed and commented. It is stated that the leadership of the regional police failed to rectify the situation in the studied period. The author concludes that the state of the police otherwise corresponded to the state of the whole Soviet society.

Key words: Sverdlovsk region, police, morale, service discipline

Историография выбранной нами для исследования темы, особенно ее регионального аспекта, по сей день не слишком обширна. Из таких редких работ мы бы выделили труд В. В. Шабалина¹, в котором рассмотрены вопросы идейно-политического воспитания милицейских кадров Молотовской области в послевоенный период. Общим же

¹ Шабалин В. В. Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конф. Тверь, 2014.

проблемам деятельности советской милиции в первые послевоенные годы посвящены некоторые диссертации¹, исследования широкого характера², а также отдельные статьи в печатных изданиях³.

Служба в правоохранительных органах всегда требовала от людей высоких (если не исключительных) морально-волевых качеств. Но, как показывает практика, даже самые элитные структуры не защищены от проникновения в них людей, весьма далеких от идеала. Подтверждением тому служит целый ряд предательств среди сотрудников советских и российских разведывательных органов.

Что же касается органов милиции, то для большинства граждан нашей страны служба в них не рассматривалась как престижное занятие, несмотря на все усилия официальной пропаганды представить ее в привлекательном романтично-патриотическом свете. Многие из поступивших на службу в милицию (и особенно те, кто имел достаточно высокий образовательный и квалификационный уровень) стремились покинуть ее ряды. Данная тенденция проявлялась и в конце 1940-х – начале 1950-х гг. В подтверждение сошлемся на информацию Свердловского обкома партии от 25 августа 1949 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова. В ней говорилось, что «...физически здоровые работники милиции, имеющие специальность... под всякими предложениями *настойчиво* (курсив наш. – В. М.) добиваются увольнения с перспективой устройства работать на производстве»⁴.

Рассуждая о непрестижности милицейской службы, нельзя не упомянуть и о том, что конец 1940-х – начало 1950-х гг. – тяжелое послевоенное время. Работники милиции, как и весь советский народ, нуждались в самом необходимом, начиная от продовольствия и заканчивая оружием и спецсредствами. На совещании секретарей партийных организаций органов милиции, состоявшемся 10 апреля 1947 г., многие выступавшие говорили, в том числе, о плохом материальном обеспечении правоохранителей. При этом много нареканий прозвучало в адрес так называемого Спецторга – торговой структуры, призванной обслуживать работников Министерства государственной безопасности (МГБ) и Министерства внутренних дел (МВД)⁵.

Анализ архивных материалов убеждает в том, что основными причинами, по которым наиболее образованная и сознательная часть населения не стремилась на службу в милицию, были невысокая заработная плата, отсутствие серьезных стимулов к работе и большие психологические нагрузки. Кроме того, при приеме на службу и продвижении в силовых структурах, как, пожалуй, нигде более, поощрялось пресловутое «пролетарское происхождение» – порочная традиция, уходящая корнями в первые годы советской власти. В результате в 1947 г. из 3500 милиционеров Свердловской области высшее образование имели только 7 (!) человек (0,2 %), среднее – 113 (3,2 %), начальное – 636 (18,2 %). И даже в 1949 г., когда произошло существенное сокращение численности личного состава (до 2400 человек), которое, казалось бы, должно было способствовать повышению его качества, 37 % работников милиции имели образование не более четырех классов средней школы⁶.

В свете сказанного становится понятным, что в исследуемый период кадровый состав милиции был далеко не образцовым: в ее рядах имелось немало людей, не соответствующих занимаемым ими должностям. В архивных материалах сохранилось мно-

¹ См., например: *Герман Р. Б.* Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, 1941–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999.

² *Скилягин А. П.* Советская милиция в период строительства развитого социализма: 1945–1958 г.г. Л., 1976; *Советская милиция: история и современность (1917–1987)*. М., 1987.

³ См., например: *Васильев А. М.* Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2004. № 2. С. 129–133; *Мамяченков В. Н.* «Никто не желает помогать милиции»: борьба органов правопорядка с хулиганством и преступлениями против личности во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 10. С. 233–251.

⁴ ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 45. Д. 192. Л. 179.

⁵ Подробнее см.: *Мамяченков В. Н.* «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946 – начале 1947 гг. // Научный диалог. 2016. № 6. С. 196–211.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 192. Л. 178.

го свидетельств милицейских «недоработок» и даже прямых должностных преступлений. Правда, сам факт их обнаружения и хоть какого-то наказания виновных говорит о том, что в органах внутренних дел и контролировавших их структурах все-таки велась внутренняя борьба с нарушителями закона.

Вот характерный пример. 15 января 1948 г. по постановлению начальника Карпинского городского отдела милиции (ГОМ) Осинцева и с санкции прокурора Юркина за нарушение паспортного режима был арестован гражданин Неганов, 1930 года рождения, который в 1942 г. был взят сестрой из Серовского детского дома и с этого времени жил у нее в Карпинске и учился в школе. Когда Неганову исполнилось 16 лет, он обратился в органы внутренних дел за получением паспорта, но из-за отсутствия метрической справки паспорт ему не выдали и в домовую книгу к сестре не прописали. А из-за отсутствия прописки Неганов не мог устроиться на работу. Рассматривавший это дело инструктор Свердловского обкома партии Балбашев в справке «О фактах неправильного привлечения граждан к уголовной ответственности», направленной им секретарю обкома по кадрам М. И. Кузину, с возмущением писал: «...И вместо того, чтобы оказать содействие Неганову в получении паспорта и оформиться на работу, последнего арестовали и содержали в тюрьме 4,5 месяца, после чего судом [он] был оправдан»¹.

Приведенный случай не был досадной оплошностью работников Карпинского ГОМ. В той же справке инструктор Балбашев привел и пример должностного преступления карпинских милиционеров: они необоснованно привлекли к уголовной ответственности двух граждан – Ляховского и Руденко – за якобы совершенные ими 14 краж товарно-материальных ценностей в разных магазинах, базах и складах Карпинска на общую сумму 186 тыс. руб. К счастью, на судебном заседании, которое состоялось 26 апреля 1948 г., присутствовал честный и принципиальный юрист – помощник прокурора Нефедов. В ходе заседания он убедился, что данное дело сфабриковано милицией с целью «прикрыть свою бездеятельность в выявлении действительных преступников», и отказался от обвинения. Ляховский и Руденко, отсидевшие к тому времени пять месяцев в тюрьме, были оправданы².

О том, насколько халатно относились к выполнению своих прямых служебных обязанностей милиционеры Карпинска, говорят цифры: только за 7 месяцев 1948 г. судом этого небольшого уральского городка было оправдано 35 человек «как неосновательно привлеченных к уголовной ответственности». При этом 10 из них до суда содержались под стражей, а остальные – под подпиской о невыезде. О том, был ли кто-то из милиционеров-фальсификаторов привлечен к ответственности, источники умалчивают.

О состоянии служебной дисциплины работников милиции в исследуемый период можно судить по ежеквартальным докладам начальника Управления милиции по Свердловской области, которые он направлял в обком партии. Например, в докладе от 26 января 1951 г.³, подводя итоги последнего квартала 1950 г., областной милицейский начальник комиссар милиции III ранга (генерал-майор) В. И. Галкин самокритично отмечал, что «...несмотря на проводимые мероприятия по укреплению политико-морального состояния и служебной дисциплины... положительных результатов в этой области мы не достигли». Так, если в третьем квартале 1950 г. личным составом милиции было допущено 108 нарушений служебной дисциплины, то в четвертом квартале – уже 171 нарушение, т. е. рост составил почти 60 %. При этом особенно «отличились» Ново-Лялинский районный отдел милиции (РОМ), где этот рост составил 400 % (!), а также Зайковский РОМ (300 %), Красноуфимский ГОМ (200 %) и Арамилский РОМ (100 %). Нарушения дисциплины прежде всего заключались в банальном пьянстве, на почве которого в четвертом квартале было допущено 110 нарушений дисциплины из 171 (64 %). Из других нарушений наиболее частыми были «нарушения социалистической законности», сон на посту (как и уход с поста), а также «связь с преступным элементом». Большая часть нарушений была совершена оперативно-начальствующим составом – всего 88 случаев (51 %).

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 206. Л. 28–29.

² Там же. Л. 29–30.

³ Там же. Оп. 49. Д. 131. Л. 1–18.

В докладе областной милицейский начальник привел и несколько примеров вопиющих нарушений служебной дисциплины, совершенных его подчиненными. При этом примечательно, что в большинстве случаев нарушители отделялись сравнительно мягкими наказаниями и далеко не всегда увольнялись из органов внутренних дел.

Например, помощник оперуполномоченного отдела уголовного розыска Зайковского РОМ Кузьминых в день выборов в местные Советы народных депутатов, будучи ответственным дежурным по райотделу, организовал коллективную попойку, в которую вовлек трех сослуживцев. Как с горечью отметил генерал Галкин, «...потеряв всякое чувство ответственности, не имея денег для продолжения пьянки, Кузьминых при помощи ножа открыл паспортный стол, откуда похитил 150 рублей, после чего продолжил пьянку». Самое удивительное, что виновник отделался лишь дисциплинарным взысканием.

Подобным же образом вел себя другой работник Зайковского РОМ – старший оперуполномоченный отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Дымшаков. Систематически пьянствуя, он дошел до того, что однажды, будучи не в состоянии прийти в РОМ с обеда, прислал вместо себя жену.

Дисциплинарное наказание понес командир отделения Ново-Лялинского РОМ старшина милиции Таскин, который, как показало служебное расследование, во время проверки постов в отделениях Госбанка употреблял спиртное. Мало того, конвоируя арестованного, он зашел с ним в квартиру последнего и там напился.

Лишь 15 сутками ареста отделался милиционер Нижнетагильского ГОМ Феоктистов, который, вымогая у гражданина Колесникова деньги на водку, выбил ему два зуба.

После перечисленного неудивительным покажется тот факт, что сам начальник Исовского РОМ Викулов однажды явился пьяным на партийное собрание.

Именно подобные из ряда вон выходящие случаи имел в виду генерал Галкин, когда в докладе отмечал, что «...в отдельных парторганизациях к нарушителям дисциплины относятся либерально, не обсуждают их на партсобраниях. А при обсуждении не дают нарушителям практической оценки».

Впрочем, на почве пьянства происходили и происшествия с тяжелыми последствиями. Например, оперуполномоченный Волчанского поселкового отделения милиции Краснотурьинского ГОМ лейтенант Закиров, имеющий стаж службы в органах внутренних дел более 20 лет, за пьянство был подвергнут аресту на 15 суток. После же отбытия наказания сразу снова напился и, как говорится в протоколе, «...пытался принудить гражданку Малееву к интимной связи. Получив отказ, застрелил ее и ранил гражданина Гулина, пытавшегося оказать помощь Малеевой». Другой же работник со стажем – оперуполномоченный отдела уголовного розыска Синячихинского РОМ лейтенант Невмывако – при конвоировании арестованного «допустил совместную пьянку, в результате чего арестованный совершил побег».

Два последних происшествия невозможно было «спустить на тормозах», поэтому их фигуранты попали под суд военного трибунала.

Примеры злоупотреблений и преступлений работников милиции, свидетельствующие о серьезном неблагополучии в рядах свердловской милиции, можно обнаружить в любом из упомянутых ежеквартальных докладов. Так, в докладе от 13 апреля 1951 г.¹ (по итогам первого квартала) речь идет о милиционере из Нижнего Тагила Цапаеве, который за ничтожную взятку в сумме 36 руб. отпустил задержанного им же вора, за что получил, впрочем, такое же ничтожное наказание – 10 суток ареста. А в докладе за второй квартал 1951 г. фигурирует милиционер из того же города Шушаков, который, будучи пьяным, задержал гражданина Исакова, незаконно обыскал его и отобрал 250 руб. Эту сумму начальство, видимо, сочло значительной, так как Шушаков был предан суду военного трибунала.

Судя по докладам милицейского начальства, в исследуемый период переломить ситуацию в плане служебной дисциплины не удалось: например, в третьем квартале 1951 г. работниками органов милиции области было допущено 181 нарушение дисциплины, т. е. на 10 больше, чем в четвертом квартале 1950 г. В очередном докладе Гал-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 131. Л. 19–38.

кин признавал, что «...положение с дисциплиной во многих подразделениях милиции области по-прежнему остается неудовлетворительным»¹. Действительно, о какой дисциплине могла идти речь, например, в милицейском гарнизоне Нижнего Тагила, где участковый уполномоченный Овчинников, будучи в пьяном состоянии, беспричинно застрелил встретившегося ему гражданина.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что далеко не все милиционеры пьянствовали и пренебрегали своими обязанностями. Многие из них действительно боролись с преступностью: задерживали грабителей и убийц (например, лейтенант Кабанов из Красноуральска²), пресекали хулиганство, вели профилактическую работу, а иногда и погибали в схватках с преступниками.

Можно заключить, что состояние милиции, так или иначе, соответствовало состоянию всего советского общества.

Список литературы

Васильев А. М. Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2004. № 2.

Герман Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, 1941–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999.

Мамяченков В. Н. «Никто не желает помогать милиции»: борьба органов правопорядка с хулиганством и преступлениями против личности во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 10.

Мамяченков В. Н. «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946 – начале 1947 гг. // Научный диалог. 2016. № 6.

Скилягин А. П. Советская милиция в период строительства развитого социализма: 1945–1958 г.г. Л., 1976.

Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987.

ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 45. Д. 192. Л. 178–179; Д. 206. Л. 28–30; Оп. 49. Д. 131. Л. 1–38, 42, 62.

Шабалин В. В. Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конф. Тверь, 2014.

References

German R. B. Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti rossiiskoi militsii po okhrane obshchestvennogo poryadka i bor'be s prestupnost'yu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i poslevoennyi period, 1941–1960 gg.: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 1999.

Mamyachenkov V. N. «Nikto ne zhelaet pomogat' militsii»: bor'ba organov pravoporyadka s khuliganstvom i prestupleniyami protiv lichnosti vo vtoroi polovine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. (na materialakh Sverdlovskoi oblasti) // Nauchnyi dialog. 2016. № 10.

Mamyachenkov V. N. «Prestupnost' sredi rabotnikov militsii chrezvychaino vysoka»: moral'noe sostoyanie i sluzhebnyaya distsiplina rabotnikov organov vnutrennikh del Sverdlovskoi oblasti v 1946 – nachale 1947 gg. // Nauchnyi dialog. 2016. № 6.

Shabalin V. V. Khuligany v pogonakh: regional'naya kampaniya po ideino-politicheskomu vospitaniyu militsiiskikh kadrov v poslevoennyi period (na primere Molotovskoi oblasti) // Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: materialy VII mezhdunar. nauch. konf. Tver', 2014.

Skilyagin A. P. Sovetskaya militsiya v period stroitel'stva razvitogo sotsializma: 1945–1958 g.g. L., 1976.

Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost' (1917–1987). M., 1987.

TsDOOSO (Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti). F. 4. Op. 45. D. 192. L. 178–179; D. 206. L. 28–30; Op. 49. D. 131. L. 1–38, 42, 62.

Vasil'ev A. M. Okhrana obshchestvennogo poryadka v SSSR v poslevoennyi period (1945–1953 gg.) // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2004. № 2.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 131. Л. 62.

² Там же. Л. 42.